

Март 1979 г. Пригород Лондона.

Лондонская реанимация по ночам – довольно громкое место. Поступающая косяком молодёжь с передозом; госпитализированные после очередной драки футбольных фанатов; доставленные прямиком из клуба буйные парни, перебравшие алкоголя до чертей в белых халатах.

Поток врачей и пациентов не затрагивал молодую чету Грейнджеров, потерянно стоящую в углу вестибюля. Они терпеливо ожидали врача, который сможет наконец объяснить, что произошло. Алекса непроизвольно поглаживала живот – эта привычка образовалась у нее недавно, с тех самых пор, как она узнала о своей беременности. Джеймс же пил отвратительный обжигающий кофе из автомата – ему сегодня ещё предстояло вести машину обратно.

Наконец, их нашел лысеющий доктор лет пятидесяти. Убедившись, что перед ним нужные люди, он снял свои очки в тяжёлой оправе и устало потер глаза.

- Прошу прощения, что вызвал вас в такой поздний час. Как вы уже знаете, около трех часов назад к нам поступила Кассандра Грейнджер. Она находится в тяжёлом состоянии, и наш персонал сейчас борется за её жизнь.

Услышав это, Алекса испуганно ёкнула, однако Джеймс стиснул её плечи, пытаясь поддержать, в то же время сам ища поддержки. Доктор же, увидев, что его собеседники справились с тяжёлой новостью, продолжил.

- Что-то точно можно будет сказать ближе к утру, однако прогноз неутешительный. Множественные переломы при автомобильной аварии. Сотрясение мозга. И все это накладывается на возраст. В общем, сами понимаете.

Что могли сказать на это Грейнджеры?

- Мы будем ждать... и надеяться.

Лицо Джеймса как будто окаменело, не выдавая ни одной эмоции. Алекса то и дело срывалась в безудержный плач, как только тот же самый доктор начал объявлять им приговор.

- ... К сожалению, её невозможно было спасти. Как я уже говорил, столкновение на скорости шестьдесят миль в час с каменной стеной – это не шутки. Подушки безопасности сработали, однако этого оказалось недостаточно. Водитель, который виновен в аварии сам еще в реанимации, хотя он отделался легче...

В конце концов, доктор неловко замолчал, видя, что его слова больше не достигают собеседников. Сколько раз ему приходилось давать подобные объяснения? Не одну сотню, это точно. Но редко когда так искренне переживают смерть свекрови. Видимо, хорошая была женщина, эта Кассандра Грейнджер.

Отношение Джеймса к родной матери можно было описать, используя всего лишь одно слово - доверие. Конечно, были моменты, когда он, будучи подростком, бунтовал против всего подряд, включая родную мать, или когда она сама ссорилась с ним, несогласная с его собственными решениями, но никогда, никогда он не мог сказать, что не доверяет ей.

Именно благодаря настояниям матери Джеймс пошел по медицинской стезе и встретил Алексу - свою красавицу-жену. Они столкнулись еще на первом курсе, и Грейнджер был сразу же очарован её прекрасными рыжими волосами и глубокими зелеными глазами. Так, по крайней мере, говорил он сам. Алекса в ответ на это лишь смеялась и будто невзначай поправляла золотую цепочку, лежащую на груди третьего размера.

В общем, уже через два года они съехались вместе, под молчаливое одобрение матери Джеймса и бабушки Алексы. Примерно в то же самое время они решили сменить направление и стать дантистами.

Доучившись положенную пятилетку, они, наконец, тихо расписались. Изначально Алекса планировала пригласить друзей, но, к сожалению, именно тогда скончалась воспитавшая её бабушка. Друзья с пониманием отнеслись к отмене праздника.

К слову о друзьях. Надо сказать, что за это время они обзавелись немалым количеством полезных знакомых, что позволило им устроиться на работу неподалеку от Оксфорда. В принципе, к этому моменту они были вполне довольны жизнью и начали планировать зачатие ребенка.

Однако Кассандра, мать Джеймса, настаивала на том, чтобы они открыли свою собственную практику, завели свое дело. Джеймс сомневался в успехе данной затеи, однако Кассандра, сблизившись с Алексой после смерти бабушки, сумела переманить её на свою сторону. Против двух женщин у Грейнджера не было и шанса.

Дело было начато - найдено помещение, заказано оборудование, начато оформление лицензий. Но вот беда - деньги на все это выплачивались со счетов Кассандры, даже после её смерти.

Джеймс знал, что денег у них всегда было немало, хотя мать и не разбрасывала их на ветер. Происхождение денег не было секретом - у них были очень богатые дальние родственники. Она не любила говорить о них, а он не горел желанием спрашивать.

И теперь, когда Кассандра умерла, они объявились, будто и не было пятнадцати лет, в течение которых о них не было слышно. Да что там - они даже на похороны не явились.

«А теперь хотят наложить лапы на престижную недвижимость в Лондоне и все счета покойной? Не бывать этому!» Так, во всяком случае, заявила Алекса, сразу очнувшись от траура.

Оказалось, что очень даже «бывать». Грейнджеры сразу поняли, что дело худо, только завидев своего оппонента. Холеная рожа, ничем не похожая на Грейнджеров, и явно считавшая себя хозяином положения; совершенно естественно воспринимающая услужливо лебезящую секретаршу, выгадывающую время для своего начальника.

Одежда очень дорогого покроя, подобранная под лицо и цвет волос, отточенные манеры, какие-то сверх дорогие духи... И показное отвращение ко всему вокруг, кроме себя самого. Когда-то давно мать говорила Джеймсу, что такие люди будто красивое зеркало, любующееся самим собой вместо того, чтобы отражать тех, кто стоит перед ним. В принципе красивый, но совершенно бесполезный, занимающий место предмет.

Именно таким был стоящий перед ним Грегори МакМайер.

- А, родственничек. Все такой же простак? Да и жена у тебя такая же, смотрю. Впрочем, этого следовало ожидать, - лениво процедил он, приветствуя его в своей манере. Он почему-то очень любил называть других «простаками», делая на этом слове особый акцент, будто в этом слове был дополнительный, известный лишь ему смысл. - Я решил посетить данное убогое заведение (тут он сморщил губы), чтобы получить причитающееся мне. А вас что привело сюда? Решили последовать модным тенденциям и завещать друг другу хоть что-нибудь? Хотя что? У тебя есть разве что собственная одежда на плечах, да машина-развалюха, по которой канава плачет.

МакМайеру явно доставляло удовольствие позлить Джеймса, но тот не был дураком и не купился на этот мальчишеский выпад. Может быть это сработало бы лет десять назад, когда они виделись в первый раз, но не сейчас. Не в присутствии Алексы.

- Не думаю, что Кассандра оставила тебе даже пенни, Грегори, - оскалился Грейнджер. - С какой стати ей завещать что-то тому, кто не потрудился даже появиться на её похоронах? Впрочем, думаю, она на твои тоже бы не пришла.

К сожалению, сбить с Грегори спесь смог бы разве что грузовик, но уж никак не такой слабенький укол.

- У меня были неотложные дела, - при этих словах МакМайер закатил глаза, будто не веря, что ему пришлось снизойти до объяснений кому-то. Вдруг он пакостно улыбнулся. - А по поводу завещания мы сейчас узнаем.

Дверь в кабинет нотариуса открылась, и секретарь облегченно пригласила их пройти внутрь. Теперь это была не её проблема.

Нотариус выглядел каким-то дерганным и немного торопился. Он разительно отличался от степенного джентльмена, каким Грейнджеры видели его в прошлый раз, однако они списали это на присутствие МакМайера. Этот индюк кому угодно нервы изматает.

- Здравствуйте, господа и дама. Сегодня мы собрались здесь, чтобы услышать волю Кассандры Грейнджер. Давайте перейдем сразу к делу.

Нотариус откуда-то достал плоский железный ящик, убедился в сохранности пломб, после чего открыл его. Внутри находилось три письма и небольшая коробочка.

- Хм, что тут у нас... Вот, это письмо необходимо читать первым. «Я Кассандра Петра Грейнджер, сим документом объявляю свою последнюю волю. Свой дом и счета в банке я завещаю семье МакМайер в лице её полномочного представителя, Грегори МакМайера»... Ага, вот тут даны точные данные, чтобы не ошибиться, о каком МакМайере речь. Далее. «Все остальное мое имущество отходит моему сыну Джеймсу и его жене Алексе, в том числе и серьги, которые я прилагаю к данному завещанию. Также им остаются мои акции в предприятиях. Письма, прилагающиеся к данному завещанию отдать Джеймсу либо Алексе лично в руки.» Число, подпись, заверено мной.

Как только нотариус прекратил читать, с губ Грегори слетела усмешка.

- Надо же, твоей матери удалось завещать тебе какие-то крохи. Поздравляю. Что ж, думаю, на этом можно закончить, - он через стол кинул визитку нотариусу. - Вот данные моего секретаря. Она уладит необходимые детали. А ты, Грейнджер... у тебя неделя, чтобы забрать весь хлам из дома твоей мамы. И с сегодняшнего дня, ни фунта со счетов к тебе не уйдет.

Удачи.

Он встал, отряхнул невидимую пыль, и покинул кабинет, оставив Грейнджеров осознать произошедшее.

«Здравствуй, Джеймс. И сразу же прости.

Как ты, наверное, уже знаешь, все мои счета и дом теперь принадлежат МакМайерам. К сожалению, это необходимо. Ты ничего не знаешь о их семье, однако это не те люди, которым стоит переходить дорогу. Дом, в котором ты вырос, изначально принадлежал им, так же как и деньги, которые мне удалось приумножить. Однако МакМайеры ничего не отдают насовсем, так что поверь мне, вернуть его им было наилучшим решением. Акции, завещанные тебе, стоят немалых денег. Надеюсь, что ты вместе с Алексой сможешь использовать их с умом.

Подозреваю, что у тебя есть ко мне тысяча вопросов, на которые я, к сожалению, не могу дать ответов, и, возможно, не смогу дать никогда.

Однако кто знает, быть может однажды найдется человек, который сможет дать тебе эти ответы вместо меня. Поэтому я прошу тебя – поднимись на чердак нашего дома, и забери оттуда то, что посчитаешь ценным. Там не так много всего, кроме старых книг. Но, если сможешь, сохрани все это в целости...»

«Здравствуй, Алекса. Прости меня, старую, за то, что не смогла дожить до появления вашего ребенка.

Я знаю, что вам с Джеймсом будет очень трудно. Я взвалила на вас большую ношу, заставив открыть свое дело. Но, надеюсь, вы не пожалеете о моей упертости.

Прошу тебя, носи серьги, которые я оставила тебе вместе с завещанием. Это, наверное, единственная семейная реликвия, доставшаяся мне от матери. Быть может, я немного сентиментальна, но я верю, что такие вещи, хранимые поколениями, имеют свою особую силу.

Постарайся забрать мой комод – он отлично подойдет даже к вашей квартире, а уж если вы обзаведетесь своим домом...»

«Здравствуй, наследник рода Грейнджер.

Тебе может показаться странным такое обращение. Однако я, в некотором роде, привержена традициям. Я не знаю тебя, но тебе, наверное, доводилось видеть мои фотографии, и слышать, как твои родители поют мне дифирамбы.

Думаю, что мне стоит ответить им той же монетой – я расскажу тебе истории из их жизни, которыми они не подумают с тобой поделиться. Думаю, они уважат мою последнюю волю, и дадут тебе прочесть это письмо...»

«Если ты можешь прочесть эти строки – ищи сокровище на дне сундука.»

Алекса, расположившись на диване, так углубилась в чтение бумаг, что не заметила, как Джеймс сумел подобраться к ней сзади. Она лишь тихо йкнула, когда он прижался к ней, и потерялся об нее небритой щекой.

- Опять засиживаешься допоздна? – спросил он с легким упреком в голосе. – Ты уже на третьем месяце, пора начинать снижать нагрузку.

- Извини, - ответила она без тени сожаления. – Но тут довольно много интересного. Меня всегда поражало, насколько твоя мама была разносторонней, но это... это что-то особенное. У нее есть акции в фирмах почти любого профиля, а в трех предприятиях она акционер с правом вето. Плюс к этому она проходила как консультант в нескольких фирмах, в основном связанных с антиквариатом. Как она все это успевала?

Джеймс задумчиво почесал голову.

- Тяжело сказать. Я был очень поздним ребенком, и тему своего прошлого она поднимала очень редко. В детстве я её делами не интересовался, а сейчас уже не спросишь.

- Тяжело? – сочувственно спросила Алекса. Джеймс на это лишь мотнул головой, поудобнее устраиваясь рядом с ней.

- Да нет, нормально. Знаешь, она же меня всегда к этому готовила. Учила самостоятельности, передавала свой опыт. Однажды она мне вообще ни с того ни с сего прочитала целую лекцию, и заставила записать. Так я этими записками до сих пор пользуюсь!

Они немного помолчали, думая о своем. Через пару минут девушка нарушила молчание.

- Завтра последний день. Ты придумал, как будем выносить вещи?

- Я нашел знакомого, который одолжит нам грузовик. Надо будет только оплатить бензин. Рабочих мы ещё не отпускали, так что просто сорвем пару человек со стройки до обеда.

- Хочешь утащить побольше, чтобы МакМайеру ничего не осталось, - зевнув, ответила Грейнджер.

- И это тоже. Но ты же у нас бывала. Пусть реально старых вещей у нас нет, но целая библиотека и мебель на века тоже стоят денег. Все, конечно, не увезем, но постараться нужно. МакМайер всё равно всё выкинет.

Тут Джеймс заметил, что его супруга клюет носом. Бережно подхватив её на руки, он отправился в спальню. Бумаги подождут до завтра.

Дом покойной Кассандры выглядел каким-то пустым, хотя с момента смерти его владелицы не прошло ещё и месяца.

Этот дом не был особняком, то есть не стоял обособленно от других. Тем не менее, он отличался от стоящих рядом домов, будто умудренный жизнью воин, стоящий в одном ряду с безусыми юнцами. Его немного потемневшая от времени и городского смога отделка не потеряла своей красоты, а его окна были такими же кристально прозрачными, освещая его внутреннее убранство.

Внутренняя обстановка соответствовала внешней. Старые, но не устаревшие светильники, красивый, но работающий камин, сделанная вручную мебель. Все в этом доме напоминало Джеймсу о матери, которая любила делать акцент на детали.

Пройдя в библиотеку, он привычно провел рукой по полке с энциклопедией. В детстве он часто приходил сюда почитать, однако со временем его вкусы изменились, и он увлекся более современной литературой. Однако он все так же приходил сюда, и шикарные географические атласы с верхней полки не собирали пыль, сидя без дела.

- Дорогой, подойди сюда.

Джеймс вышел из библиотеки и направился на второй этаж, откуда раздавался голос его супруги.

Комната его матери. Он нечасто бывал здесь. Двухместная кровать, второе место в которой всегда пустовало. Комод, зеркало, шкаф. Дверь, за которой находится примерочная – мать, хоть и не была модницей, всегда следила за собой. Еще одна дверь, ведущая в кабинет.

Алекса стояла боком к нему, перебирая в руках украшения. Некоторые из них были знакомы Джеймсу, другие – нет.

- Откуда все это богатство, Джеймс? Я не помню, чтобы Кассандра надевала хоть что-нибудь из этого, кроме вот этих вот цепочек.

Джеймс улыбнулся.

- Я уже и забыл об этом. Когда я еще только пошел в школу, она пару лет работала с какой-то фирмой, Оттери-что-то-там, загляни в старые бумаги, если интересно. Так вот, в её рабочие обязанности входило посещение каких-то мероприятий для высшего света. Часть драгоценностей – от работодателя, часть – от воздыхателей. Ей тогда уже было сорок пять, но ухажеров было – не протолкнуться. И всем она дала от ворот поворот. Был один, с которым она недельку повстречалась, но что-то там не срослось, – заключил Джеймс.

- Жалеешь? – осторожно спросила Алекса, не формулируя вопрос до конца. Всё-таки тема была скользкая, даже для таких близких людей.

- Да как сказать... Жалею, что у неё кроме меня никого не было, наверное. Отца у меня, как и у тебя, не было, так что не могу судить, хорошо это или плохо. Лучше скажи, что ты думаешь по поводу этих украшений?

- Уводишь разговор в сторону? Ну-ну, Грейнджер, я тебе это припомню. Так, значит, они настоящие? Тогда парочку можно оставить, а остальное продать. Я не специалист, но сумма выйдет неплохая.

- Решай сама, дорогая. Ты же знаешь, я в финансовых делах разбираюсь хуже тебя.

- Подхалим. Не ты ли выбил для Терри скидку на эти ваши дурацкие настолки?

- И ничего я не подхалим. И настолки не дурацкие. Вот увидишь, Терри скоро придется расширять магазин. Если бы мы сами не были по уши в долгах, я бы вложился в него.

- Ох, чую, намучаюсь я с тобой, любимый. Вот что за наказание мне – в мужья попался любитель комиксов и фэнтези?

Чердак был, как и положено чердаку, пыльный и наполненный всяким мусором. Джеймс удивленно осматривал раскинувшееся перед ними «богатство».

- Хм, не помню, чтобы тут было так много хлама. Правда, я сюда лет пятнадцать не забирался.

Пробравшись через горы всякой всячины, непонятно как тут оказавшейся, они выбрались к трем сундукам.

- Вот они. Думаю, ничего больше брать не будем.

- А что вообще в них?

- Да ничего особенного, - ответил Джеймс, распахивая ближайший к нему. – Вот смотри. Судя по всему, это сундук для путешественника, или учащегося. Отделение для чернил, бумаги, перьев, вот этот кармашек, наверное, под мелочь.

- Никогда таких не видела, - призналась Алекса.

- Я тоже. Наверное, раньше такие были в ходу среди аристократов, путешествующих на большие расстояния. Эдакий расширенный вариант саквояжа. Кстати, ты ведь помнишь моё письмо? Она просила забрать именно их, я уверен. Как думаешь, почему?

Алекса задумалась на минуту, осматривая сундуки в поисках отличительных следов.

- Знаешь, мне кажется, что все на поверхности. На них нет никаких меток мастера, но сделаны они словно под кальку. Мне кажется, что тот, кто узнает эти сундуки, может и знать что-то, о чем говорила Кассандра. Может быть, такой полагается всем учащимся в какой-нибудь престижной школе? Я, правда, так и не поняла, что она имела в виду под «тысячей вопросов». А ты уклоняешься от ответов! – Алекса попыталась цапнуть мужа за ухо, будто нашкодившего щенка. Грейнджер увернулся, и, сделав хитрый маневр, заключил жену в объятия.

- Ладно, ладно. В общем, когда мы учились в средней школе, мне стало интересно, где училась моя мама. Однако оказалось, что никаких бумаг, связанных с её обучением у нас нет. Ни одной фотографии того периода, ни одного вшивенького диплома. Тогда я копнул глубже. Оказалось, что до моего рождения её вообще будто не существовало. Даже мой сертификат о рождении оформлен задним числом. Напрямую я её так и не спросил об этом, но она наверняка знала о моём интересе.

- Для меня загадка, как ваше полное доверие друг другу уживалось с кучей недомолвок с её стороны, - хмыкнула девушка. - Думаешь, это как-то связано с МакМайерами?

- Да, я в этом почти что уверен. Но что именно произошло тогда, я не знаю до сих пор. Знаю лишь, что до моего рождения не было никакой Кассандры Грейнджер, а потом раз, и

появилась, вместе с домом и счетом в банке.

- И эти сундуки – последняя ниточка, ведущая к её прошлому?

- Есть ещё твои серьги. Это первый раз, когда она упомянула свою мать. Но да, считай, что это единственная зацепка, - вздохнул он.

Грейнджеры ещё какое-то время стояли, обнявшись, а потом принялись за дело. Им предстоял трудный год, и не стоило тратить время, думая о былом.

<http://tl.rulate.ru/book/25932/539794>